

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

С. Э. Гафаров

аспирант

Воронежский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОДСУДНОСТЬ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Важность юридических понятий определяется тем, что они непосредственно оформляют правовое регулирование. Разработанные в науке категории, концепции часто не включаются в правовую материю в тех формах, в каких они обозначены в теории. В случае использования различных категорий в науке права и в нормах, призванных воплотить разработанные в науке модели, могут появляться противоречия.

С нашей точки зрения, в настоящий момент в праве России нормы о международной подсудности не обладают всеми необходимыми регулятивными качествами, так как место норм международной подсудности в действующем праве отличается от того, которое придается в научных моделях регулирования международной судебной компетенции. Актуальность вопроса обусловлена наличием существенных пробелов и противоречий в регулировании международной подсудности, которые не были детально исследованы в юридической литературе.

Направленность этой статьи — показать, что международная подсудность должна занимать особое место в процессуальном праве. В рамках настоящего исследования мы не имеем возможности описывать все регулирующие международную подсудность нормы и предложения по их совершенствованию.

Термин «международная подсудность» используется в научной литературе практически одинаково. Т. М. Яблочков пишет о международной подсудности как о компетенции судов разрешать дела с участием иностранцев¹. Л. А. Лунц указывает, что этот термин употребляется для «...разрешения вопросов компетенции судебного аппарата данной страны в целом»². С точки зрения В. П. Звекова, «международной подсудностью именуют компетенцию судов по гражданским делам с иностранным элементом»³. В контексте науки международная подсудность — функцио-

333

¹ См.: Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1909. С. 59—60.

² Лунц Л. А. Международный гражданский процесс. М.: Юрид. лит., 1966. С. 33.

³ Звеков В. П. Международное частное право: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 556.

нальное понятие, оно обозначает правила национального законодательства об определении компетенции судебной системы страны по спорам по делам с участием иностранных лиц (или иностранного элемента, выраженного иным образом).

Однако научное понятие международной судебной компетенции никогда не существовало в такой форме в действующем праве. На время написания соответствующих работ *и дореволюционными, и советскими правоведами* в национальном законодательстве не существовало термина «международная подсудность».

Еще до внесения в 1977 г. изменений в процессуальное законодательство, доктринально был обоснован и на практике применялся принцип двойной функциональности норм территориальной подсудности. Подход «двойной функциональности»⁴ означает, что если правило о подсудности указывает на конкретный суд в пределах территории государства, то государство обладает международной компетенцией рассмотреть это дело.

Когда мы обратимся к современным Арбитражному процессуальному кодексу (АПК) РФ⁵ и Гражданскому процессуальному кодексу (ГПК) РФ⁶, то обнаружим, что они также не используют выражения «международная подсудность». Так, ГПК РФ в гл. 44 говорит о «подсудности дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации». Глава 32 АПК РФ называется «Компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц». Таким образом, действующее процессуальное законодательство России не использует словосочетания «международная подсудность». В отношении действующего российского права оно является научным понятием, указывающим на внутринациональные нормы, определяющие компетенцию национальных судов по рассмотрению дел с участием иностранных лиц.

Фактически в ст. 402 ГПК РФ мы видим историческую преемственность между подходами дореволюционной России, СССР и современной России в отношении регулирования подсудности. Так, п. 1 ст. 402 ГПК РФ закрепляет: *«В случае, если иное не установлено правилами настоящей главы, подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации определяется по правилам главы 3 настоящего Кодекса»*. Таким образом, общие правила о подсудности в гл. 3 ГПК РФ выполняют роль общих норм о международной компетенции судов России. В главе 44 содержатся лишь специальные по отношению к гл. 3 нормы.

⁴ Давтян А. Г. Гражданское процессуальное право Германии. М.: Городец-издат, 2000. С. 100.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012 (в ред. от 22 июля 2008 г.).

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 (в ред. от 22 июля 2008 г.).

Иными словами, несмотря на появление новой главы, посвященной исключительно международной подсудности, подход сохраняется. Общим, подчеркнем, правилом для международной подсудности остаются нормы определения территориальной подсудности. Это означает, что *правила международной подсудности квалифицируются ГПК РФ как часть норм об обычной, внутринациональной подсудности.*

Конечно, двойная функциональность может показаться весьма экономичным изобретением: не требуется создавать дополнительных норм о международной подсудности, либо они будут приняты в меньшем количестве, таким образом налицо экономия процессуальных средств.

Однако проведение знака равенства между нормами о международной компетенции и общими нормами подсудности означает, что нормы о подсудности дел с участием иностранных лиц в ГПК РФ полностью включают в себя признаки норм о подсудности (понятие которой нами было подробно рассмотрено). В конечном итоге это означает подчинение норм о международной компетенции общему институту подсудности.

Этот вывод имеет очень большое значение. Институт подсудности является частью механизма определения компетенции и предполагает системное управление несколькими вопросами российского гражданского процесса. Если международная подсудность в ГПК РФ включена в институт подсудности, то она будет подчиняться всем нормам этого института, применительно к различным вопросам, встающим перед ним. Это может привести к негативным последствиям, так как *принципы регулирования внутринациональной подсудности и международной судебной компетенции различны.*

Критика модели регулирования международной подсудности на основе двойной функциональности практически неизвестна современной процессуальной науке. Так, Д. Д. Аверин возражал против выведения Л. А. Лунцем правила о применении норм территориальной подсудности как норм международной судебной компетенции только на основании того, что Л. А. Лунц делал свой вывод «из принципа государственного суверенитета»⁷. В дальнейшем Д. Д. Аверин также рассматривал нормы о территориальной подсудности как обладающие функциями норм, определяющих международную юрисдикцию судов.

Отдельные вопросы вызывало само по себе применение аналогии закона в гражданских процессуальных отношениях. Некоторые авторы полагали, что такой прием восполнения пробелов недопустим⁸. В конечном итоге на практике возобладала точка зрения, предложенная Л. А. Лунцем, оформленная в 1977 г. на законодательном уровне. Сам принцип регулирования международной подсудности путем придания дополнительных функций нормам территориальной подсудности под сомнение не ставился.

⁷ Аверин Д. Д. Подсудность дел, возникающих из гражданских правоотношений международного гражданского оборота // Вестник МГУ. Сер. 12, Право. М., 1975. № 1. С. 4.

⁸ См. изложение этих точек зрения: Марышева Н. И. Указ. соч. С. 163.

Более того, и Л. А. Лунц, и Д. Д. Аверин, и Н. И. Марышева, обосновывая необходимость данного принципа, приводили в качестве аргументов как потребность заполнить пробел в советском гражданском процессуальном праве, так и опыт передовых социалистических стран — Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии.

Как международная, так и территориальная подсудность дел судам может быть поставлена в зависимость от статуса лиц, участвующих в деле (место жительства физического лица, место нахождения юридического лица), объектов, применительно к которым защищаются права или законные интересы (например, недвижимости), отдельных юридических фактов. В каждом случае определение правила о международной или территориальной подсудности строится исходя из того, что считать основаниями власти. Совершенно очевидно, что такие теории могут быть различными, что подходы в разных странах должны различаться.

Однако основания юрисдикции сами по себе включены в процессуальную материю. Нашей задачей в данном исследовании является рассмотрение места норм о международной судебной компетенции в процессуальном праве. Вопрос об основаниях установления юрисдикции будет нами затрагиваться только применительно к целям определения места норм международной подсудности в российском процессуальном праве.

Определение компетенции судебного органа в рамках одной из ветвей судебной системы предполагает взаимосвязанное регулирование определенной группы вопросов:

а) какие конкретно суды в рамках избранной подсистемы судебной власти (по подведомственности) обладают компетенцией;

б) какие действия предпринимает суд в случае получения иска, направленного не по подсудности;

в) какие действия предпринимает суд в случае, если ненадлежащая компетенция обнаруживается в ходе рассмотрения дела;

г) какие действия предпринимает суд в случае, если признаки дела, которое он компетентен рассматривать, меняются в ходе процесса вследствие диспозитивных действий сторон (изменение предмета или оснований иска, привлечение в дело третьих лиц, замена ответчика) или обстоятельств, от них не зависящих;

д) какие действия предпринимает суд в случае параллельного рассмотрения дела в другом суде (нас интересует, когда дело рассматривается в иностранном суде) либо наличия иностранного судебного решения по делу.

Законодатель закрепил ответы на многие вопросы применительно к международной подсудности в рамках ГПК РФ. Так, критерии определения судебной компетенции, действия, предпринимаемые судом при получении заявления не по подсудности, последствия *lis alibi pendens* и *res judicata* регулируются в ГПК РФ либо специальными нормами о международной подсудности, либо общими нормами о подсудности. Однако подчинение правил определения международной судебной ком-

петенции общим нормам о подсудности влечет за собою ряд негативных последствий.

Во-первых, нормы процессуального права института подсудности применительно к отдельным аспектам определения компетенции при движении дела в принципе не могут быть применены к регулированию международной подсудности.

Институт подсудности не может адекватно урегулировать последствия принятия к производству заявления в отсутствие международной подсудности. В случае принятия дела в отсутствие надлежащей международной компетенции суд может обратиться только к правилам общих норм о подсудности, т.е. к ст. 33 ГПК РФ, пп. 3 п. 2 которой устанавливает:

«2. Суд передает дело на рассмотрение другого суда, если:

3) при рассмотрении дела в данном суде выявилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности».

Иных правил о процессуальных действиях суда в случае принятия к производству дела с нарушением положений о компетенции ГПК РФ не предусматривает. В итоге получается, что в отсутствие международной подсудности суд не может ни оставить заявление без рассмотрения, ни прекратить производство по делу: ст. 220 и 222 ГПК РФ не допускают расширительного толкования. Передать дело «надлежащему суду» по подсудности не представляется возможным — суды РФ не вправе давать обязательных указаний иностранным юрисдикционным органам в отсутствие каких-либо международных соглашений.

Более того, пределы своей международной компетенции каждое государство определяет по-разному и, как правило, весьма широко. Очень часто компетентными рассматривать один и тот же спор считают себя суды нескольких государств. Определить из них тот, кому «следовало бы передать дело» как компетентному, не представляется возможным в принципе. Это — вторая причина, по которой невозможно «передать дело по подсудности».

В связи с этим рассматривающий дело суд попадает в затруднительную ситуацию: он не обладает согласно российскому праву компетенцией рассмотреть дело по существу, но не может и не рассматривать дело. Получается, что суд вынужден, с учетом действующего законодательства, принимать решение, которое автоматически, с точки зрения российского права, подлежит отмене, а в иностранном государстве будет рассматриваться как заведомо принятое некомпетентным судом, т.е. как не подлежащее признанию, приведению в исполнение.

Данная проблема обостряется тем, что многие основания для установления подсудности по ст. 402 ГПК РФ не могут быть проверены судом непосредственно на стадии возбуждения гражданского дела и должны выясняться при рассмотрении дела по существу. Среди таких правил можно, например, назвать:

— применение пп. 2 п. 3 ст. 402 ГПК РФ требует проверки, имеется ли у ответчика имущество на территории РФ, что особо затруднительно в случае, когда подсудность обосновывается наличием движимого имущества;

- пп. 1 п. 3 связан с возможностью проверки наличия фактического расположения органа управления на территории России;
- установление места жительства ответчика (которым является, согласно ст. 20 ГК РФ, место постоянного или преимущественного проживания);
- установление места нахождения юридического лица;
- установление места причинения вреда (проблемы определения причинной связи, места совершения действия, явившегося причиной наступления вредоносных последствий, места наступления вредоносного результата — пп. 4, 5 п. 3 ст. 402 ГПК РФ);
- определение места, где должен исполняться договор;
- определение места, где произошло неосновательное обогащение.

Суд, конечно, может требовать на стадии возбуждения гражданского дела представления доказательств о тех фактах, которые подлежат обязательной регистрации и сведения о которых могут быть получены свободно. На этой стадии можно воспользоваться оставлением искового заявления (заявления) без движения. Однако в случае, если отдельные документы не могут быть получены лицом самостоятельно, суд вынужден будет в рамках оказания содействия сторонам самостоятельно истребовать соответствующие документы. Таким образом, существует большое количество оснований установления международной подсудности, которые увеличивают риск возбуждения гражданского дела с участием иностранных лиц в отсутствие международной компетенции.

Выявленный недостаток процессуального права означает, что законодателью следует предусмотреть механизм окончания рассмотрения дела без вынесения решения в случае принятия к производству дела в отсутствие международной компетенции. Решение данной проблемы требует либо вынесения международной подсудности в самостоятельный институт процессуального права, либо дополнения законодательства специальными правилами для международной судебной компетенции⁹.

Во-вторых, в отдельных случаях применение общих норм института подсудности не соответствует принципам регулирования международной компетенции. Основополагающим критерием для установления международной подсудности является (не вдаваясь глубоко в существо проблемы) действительная существенная связь предполагаемого спорного материального правоотношения с соответствующей страной.

Данный принцип признается в науке права повсеместно. В АПК РФ в качестве основания для признания международной компетенции арбитражных судов России в качестве основания указано, помимо конкретных оснований, и на компетентность «в других случаях при нали-

⁹ Например, для обнаружившегося принятия дела не по подсудности мы предлагаем в ст. 222 ГПК РФ в качестве основания для оставления заявления без рассмотрения включить формулировку «обнаружившееся после возбуждения гражданского дела отсутствие международной подсудности дела судам Российской Федерации».

ции тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации» (пп. 10 п. 1 ст. 247 АПК РФ). В США действует принцип «минимально необходимых связей» для установления юрисдикции¹⁰. Представитель немецкой науки процессуального права Шак Хаймо указывает на этот же критерий. Как в коллизионном праве действует принцип наиболее тесной связи правоотношения с территорией государства, право которого выбирается для регулирования отношений, так и для определения международной подсудности используется критерий связи правоотношения со страной.

Решения, вынесенные судами без соблюдения этого принципа, т.е. при отсутствии какой-либо существенной связи правоотношения с территорией государства, будут рассматриваться другими юрисдикциями как нелегитимные. С большой степенью вероятности можно утверждать, что такие решения не будут признаваться и приводиться в исполнение по мотиву отсутствия у иностранного суда компетенции.

Принцип определения международной компетенции не заложен в нормы территориальной подсудности, применение которых для международной подсудности может быть ущербным. Конечно, общая норма о подсудности по месту жительства или нахождения ответчика (п. 2 ст. 28, пп. 1 п. 3 ст. 402 ГПК РФ) является адекватной нормой для определения международной подсудности. Тесная связь субъекта правоотношения с территорией государства полностью оправдывает наличие компетенции его юрисдикционных органов. Это не означает, что принципы установления международной и территориальной подсудности совпадают. В других случаях их применение может приводить к различным результатам. Рассмотрим те правила института подсудности, применение которых, с нашей точки зрения, не согласуется с принципами установления международной компетенции.

Статья 29 ГПК РФ устанавливает правила так называемой альтернативной подсудности, когда компетентный суд, в который вправе обратиться истец, определяется им самим из определенных предоставляемых законом вариантов. Следует обратить внимание на возникающую проблему соотношения отдельных положений ст. 29 ГПК РФ с положениями п. 3 ст. 402 ГПК РФ.

В пункте 3 статьи 402 ГПК РФ указаны случаи, когда суд России «вправе также» рассматривать дело. Формулировка «вправе также рассматривать» указывает на судебное усмотрение, т.е. в отдельных случаях, если суд не сочтет это целесообразным, он вправе не признать свою компетенцию (например, по мотиву отсутствия «тесной связи») даже при наличии формальных признаков. Однако с такой позицией нельзя согласиться.

С одной стороны, при получении обращения судом он может исходить, как правило, из предполагаемых отношений или статуса сторон. Окончательно правоотношения определяются судом после полного

¹⁰ См.: Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. С. 1090.

рассмотрения дела. Следовательно, суд не может полностью оценить связь предполагаемого правоотношения со страной до рассмотрения дела по существу. С другой стороны, оценить критерии с точки зрения «тесной связи» возможно при наличии закрепленного в праве механизма установления тесной связи, законодательно закрепленных критериев. Исходя из требования определенности правового регулирования, в отсутствие установленного механизма оценки судом «тесноты» связи предполагаемого спорного материального правоотношения с территорией России суд РФ не вправе отрицать свою компетенцию в случаях, указанных в п. 3 ст. 402 ГПК РФ. Следовательно, правила п. 3 ст. 402 ГПК РФ должны рассматриваться как применяемые вне зависимости от усмотрения суда.

Несовпадение оснований регулирования территориальной и международной подсудности является аргументом в пользу выделения норм о международной судебной компетенции из института подсудности.

К общим положениям о подсудности относятся и другие статьи ГПК РФ. Так, ст. 31 ГПК РФ закрепляет правила подсудности по связи дел. Согласно п. 1 ст. 31 ГПК РФ, «иск к нескольким ответчикам, проживающим или находящимся в разных местах, предъявляется в суд по месту жительства или месту нахождения одного из ответчиков по выбору истца». В случае наличия нескольких ответчиков буквальное применение правил ст. 28 ГПК РФ невозможно. Одной из целей п. 1 ст. 31 ГПК РФ является разрешение данного противоречия. С другой стороны, исследуемое положение предоставляет лицу, чье право нарушено, дополнительную возможность наиболее удобного для него места рассмотрения дела.

Однако в случае, если одним из ответчиков является иностранное лицо, вызывает сомнение, должен ли суд России признавать свою компетенцию только по причине наличия в исковом заявлении в качестве другого ответчика лица, проживающего/находящегося на территории России. Конечно, если правоотношение имеет связь каким-либо элементом с Россией, то принятие иска будет обосновано. Во многих случаях объединения исковых требований речь идет именно о том, что наличие нескольких ответчиков вызвано именно специфическим характером правоотношения. В такой ситуации признание российскими судами международной компетенции обосновано.

Таким образом, адекватное применение правила подсудности по месту жительства одного из соответчиков требует оценки связи правоотношения с территорией России. Это свидетельствует об объективной необходимости введения в регулирование международной подсудности правила об установлении ее только при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией России. Указанное введение потребует специального регулирования вопроса связи правоотношений с множественностью субъектов с территорией России.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ избрал иной подход к регулированию международной подсудности. Так, гл. 32 АПК РФ называется «Компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц». Регулирование меж-

дународной подсудности не поставлено в зависимость от территориальной подсудности, нормы о международной судебной компетенции не включены в общий институт подсудности.

Тем не менее и в АПК РФ допущена аналогичная ошибка — вопросы компетенции не рассмотрены сквозь призму вопросов, могущих возникнуть при движении дела. АПК РФ регулирует вопросы международной подсудности применительно к стадии возбуждения гражданского дела.

Различие в юридическом статусе норм международной подсудности в АПК РФ и ГПК РФ ставит общий вопрос о том, какое место должны занимать нормы международной подсудности применительно как к гражданскому, так и арбитражному процессу.

Нормы о международной подсудности предназначены для определения компетенции не просто конкретного национального суда, но юрисдикции российской судебной власти вообще. В связи с этим по смыслу вначале определяется международная компетенция, затем подведомственность дела конкретной ветви судебной системы, затем только подсудность родовая и территориальная. С учетом места норм о компетенции судов России по рассмотрению споров с участием иностранных лиц получается, что международная судебная компетенция определяется уже после определения подведомственности.

Во-первых, полагаем, что последовательное проведение одинаковых принципов определения международной судебной компетенции в АПК РФ и ГПК РФ приведет к полному дублированию норм международной подсудности. Во-вторых, различие правил подведомственности в делах с иностранным элементом вследствие конфликта квалификаций будет неизбежно порождать различные результаты применения правил международной подсудности в рамках гражданского и арбитражного процессов даже при идентичных правилах. В-третьих, как показал проведенный анализ, специфика международной подсудности такова, что она требует специального регулирования как на стадии возбуждения гражданского дела, так и в ходе его движения.

В связи с этим, исходя из назначения норм международной судебной компетенции, принципа экономии процессуальных средств, нам представляется правильным регулирование международной компетенции судов России осуществлять следующим образом: 1) международная судебная компетенция не должна быть включена в институт подсудности; 2) правила международной подсудности должны быть едиными для всей судебной системы России и не должны различаться применительно к арбитражному и гражданскому процессу.

На основании изложенного мы считаем, что основания установления международной подсудности следует закрепить в ФКЗ «О судебной системе РФ», а конкретные правила применительно к международной компетенции при движении дела после его возбуждения следует закрепить в АПК РФ и ГПК РФ соответственно.